

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-09>

УДК 821.551.3

КОРЯКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА¹**Н.А. Непомнящих (Россия, Новосибирск)****И.С. Полторацкий (Россия, Новосибирск)****Аннотация**

Постановка проблемы. Статья посвящена проблеме появления и становления корякской литературы. *Цель исследования* – переосмысление характера генезиса корякской литературы и анализ специфики поэтики первых корякских литературных произведений в свете новых научных переводов.

Методы исследования. Типологический, сравнительный и мотивный анализ первых корякских повестей, появившихся почти одновременно с созданием корякской письменности, показывает, что на раннем этапе писатели использовали в качестве материала для своих произведений как корякский фольклор (сказки, исторические предания), так и бытовые сюжеты: описание традиций, праздников, обычаев и рутинных трудовых процессов. Встречаются в повестях и типические, повторяющиеся для всех народов Сибири мотивы: охота на медведя, ловкость и находчивость героя в трудных ситуациях и другие.

Содержание исследования. Первые литературные произведения создавались на корякском языке, существующие дословные переводы не всегда совпадают с опубликованными литературными обработками. Кецай Кеккетын берет за основу бытовые сюжеты из жизни отца и других родственников или знакомых, разворачивает их на фоне описания национальных обрядов и праздников («Хоялхот») рутинной работы по выпасу оленей, ловле рыбы или охоты («Эвныто-пастух»). Лев Жуков, его современник и однокашник, идет по пути пересказа фольклорных сюжетов: сказки о сироте объединяются в цикл рассказов о богатыре Нотаймэ, собравшем вокруг себя коряков и научившем их рыболовству и стрельбе из ружей.

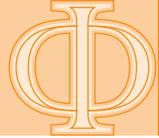
Результаты исследования. Выявлены существенные отличия оригинального корякского финала повести (подстрочных переводов) и текстом всех советских переизданий повести «Эвныто-пастух» Кеккетына, кроме первого (1936), который соответствует авторскому тексту.

Выводы. Специфика генезиса корякской литературы в том, что она появилась не в результате стадиального развития, а в результате «культурной революции»: это был политический шаг. Как и некоторые другие национальные литературы, она в момент появления равнялась тем личностям, которые ее представляли.

Ключевые слова: *творчество писателей Сибири, сюжет, мотив, литературы народов Севера, корякская литература, повесть, Кецай Кеккетын, Лев Жуков.*

Постановка проблемы. Переосмысление советского литературного наследия становится все более актуальным, в том числе необходим новый взгляд на национальные литературы, в особенности те, что появились в результате советского культурно-образовательного проекта, как, например, корякская литература, возникшая практически одновременно с созданием корякской пись-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов Сибирско-Дальневосточного региона».

менности. Проблема появления и становления корякской литературы становится еще более актуальной в современных условиях, когда вновь сделаны научные подстрочные переводы первых повестей, написанных в 1930-е годы на корякском языке Кецаем Кеккетыном и Львом Жуковым, а также в связи с обнаружением новых архивных сведений о первом корякском писателе – Кецае Кеккетыне [Голованева, Непомнящих, и др., 2018].

Таким образом, *цель* работы – рассмотреть первые корякские литературные произведения в сопоставлении с уже имеющимися советскими изданиями и сравнить их с новыми переводами, что позволит переосмыслить генезис корякской литературы.

Методы. Типологический, сравнительный и мотивный анализ первых корякских повестей показывает, что на раннем этапе писатели использовали в качестве материала для своих произведений как корякский фольклор (сказки, исторические предания), так и бытовые сюжеты: описание традиций, праздников, обычаев и рутинных трудовых процессов. Встречаются в повестях и типические, повторяющиеся для всех народов Сибири мотивы: охота на медведя, ловкость и находчивость героя в трудных ситуациях и другие.

Обзор литературы. Одной из первых попыток осмыслить феномен корякской литературы стал сборник статей под редакцией В. Огрызко «Корякская литература»² (2008), но этот сборник из серии книг о национальных литературах народов Севера нельзя назвать научным изданием, поскольку он имеет скорее просветительский и научно-популярный характер. Эта, безусловно, необходимая книга, популяризирующая сведения о корякских писателях, полезная для широкого круга читателей, которому литература народов Сибири известна мало.

Содержание исследования. Корякская литература, как и многие литературы коренных народов Сибири, живущих в экстремальных условиях, появилась лишь в XX веке в результате грандиозного по своему масштабу социально-преобразовательного проекта. Культурная революция, следовавшая за революцией в других сферах жизни, дала многим бесписьменным народам не только алфавиты, письменность и образование, но и кардинальные изменения быта, условий существования, ломая старый, веками проверенный уклад и традиции, меняя всю их жизнь, тем самым способствуя появлению новых культурных феноменов, которых раньше в этих культурах просто не существовало в силу объективных причин.

Коряки, как и другие народы Севера и Сибири, к началу 1930-х годов оставались «на окраине» огромной страны и представляли собой один из коренных малочисленных народов, даже не имевших на тот момент единого названия-этнонима. Численность коряков составляла, по данным переписи 1926–1927 гг., 7434 человека, из которых кочевых было 55 %, оседлых – 45 %³. По сведениям этнографов, самого понятия «корякский народ» как единый этнос на тот момент не было, а Корякский округ, как и другие национальные округа, территориально

² Корякская литература / под ред. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008.

³ Коряки // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 951.

впервые был выделен в 1930 году: «Постановлением Президиумом ВЦИК от 10 декабря 1930 года „Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера“ были организованы 8 национальных округов и 8 национальных районов» [Увачан, 1971, с.178]. Новое территориальное деление было связано с новой политикой: «В начале 1930-х гг. развернулась кампания по ликвидации неграмотности и подготовке национальных кадров. Для обучения детей коряков-оленеводов создавались кочевые школы. В 1932 открылись 6-месячные курсы подготовки партийных, советских и кооперативных работников из коренного населения... По инициативе Комитета Севера при ВЦИК СССР началось создание Корякской культбазы, включавшей школу, интернат, больницу, баню, краеведческий пункт, подсобные мастерские, факторию, столовую, заезжий дом. Важным событием в жизни коряков стало создание письменности. В 1931 появился единый унифицированный алфавит для народов Севера, в 1932 – букварь для корякской школы. В 1930-е гг. в округе получили распространение радиовещание, демонстрация кинофильмов»⁴.

Необходимо отметить, что для появления у коряков литературы в 1930-е годы историко-литературных предпосылок не было: родовой строй, суровый климат, жизнь в условиях ежедневного выживания, в силу объективных причин подчиненность людей первейшей для них задаче вести хозяйство, заниматься оленеводством, поддерживать бытовые условия, приемлемые для жизни, – все это в совокупности не предполагало развития художественной литературы. Устное народное творчество было, а вот письменности нет. Появление школ, курсов для взрослых, культбазы, обучение национальной элиты для руководящих должностей на местах отчасти меняют ситуацию. По сути, у корякского народа письменность и первые литературные произведения возникают одновременно. Коряки были одним из тех коренных северных народов, которые не знали ни литературы, ни письменности до 1930-х годов. Корякский алфавит, как и алфавиты для других народов Севера и Сибири, были созданы в начале 1930-х годов сперва на латинице, потом в 1936 году их в срочном порядке перевели на кириллицу. Литература у коряков появляется практически параллельно с письменностью: первые корякские повести написаны первыми учениками ученого-североведа С.Н. Стебницкого, поступившими в Институт народов Севера, Кецаем Кеккетыном и Львом Жуковым.

Невозможно говорить о том, что корякская литература появилась в результате стадийного развития, скорее это был политический шаг. Как и некоторые другие национальные литературы, она в момент появления равнялась тем личностям, которые ее представляли. Первым корякским писателем был Кецай Кеккетын, творчеству которого посвящена научная монография «Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Комментарии. Переводы» [Голованева, Непомнящих, и др., 2018]. Он не окончил обучение в Ленинграде: после трех лет учебы в Институте народов Севера писатель в 1936 году прибыл на родину, где исполнял обязанности секретаря Комсомола. Осенью 1938 года был арестован, и дальнейшая его судьба пока неизвестна.

⁴ Корякский автономный округ // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 155.

Как правило, писатель, которому выпадает роль первопроходца, ощущает необходимость быть «гласом своего дотоле безгласного народа». С одной стороны, репрезентация народа перед остальным миром становится его культурной миссией и задачей, с другой – социальным заказом. Так, Кецай Кеккетын призывает в предисловии к первой повести писать на родном языке и создать «свою литературу», для него было важным написать такой текст, куда бы «вошли все слова» родного языка. «Еще в 1934 году, когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили, как правильно писать слова. Одни из нас говорили на диалекте оседлых, а я и Нянов Микуль – на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу-ка я какую-нибудь большую записку, куда войдут все наши слова. Так летом 1934 года я составил рассказ о том, как раньше жили оленеводческие батраки. Я назвал этот рассказ „Эвныто-батрак“. Часть этого рассказа напечатали в газете „Инсовец“». [Голованева, Непомнящих и др., 2018, с. 348].

Все русскоязычные варианты повести опираются на подстрочный перевод С.Н. Стебницкого 1936 года, во многих местах дословно его повторяя. Никто из советских писателей, работавших с повестью, не владел корякским языком и переводить самостоятельно ее не мог. Работа с подстрочником – вполне оправданная практика в издании произведений писателей коренных народов Севера и Сибири. Степень вмешательства «литературных мэтров» в первоисточник невелика. Главным образом литературной обработке подвергается стилистика: лексика, порядок слов, некоторые синтаксические конструкции. Стоит отметить, что С.Н. Стебницкий при переводе стремился сохранить все особенности первоисточника, по возможности даже порядок слов, сделав его максимально удобным для параллельного чтения на двух языках, поскольку мыслил свой перевод не литературным, а вспомогательным при обучении корякскому языку: «Перевод этот почти дословный, подстрочный и потому лишь в слабой степени отражает художественные свойства оригинала. Но дальнейшая обработка неизбежно сделала бы его не вполне подстрочным и тем затруднила бы практическое пользование им как пособием при чтении корякского текста повести» [Там же, с. 4].

Каждый из последующих литературных редакторов – и Ю. Рытхэу, и В. Дудинцев – обходится с текстом очень бережно, в нем сохранен узнаваемый стиль автора, правка носит лишь стилистический характер. Повесть была переиздана в 1958, 1961, 1974, 1976, 1978, 2010 годах. Однако все переиздания содержат одно существенное отличие от ее первого издания 1936 года (в русском подстрочном переводе С.Н. Стебницкого), а также от научного подстрочного перевода, выполненного научным сотрудником ИФЛ СО РАН Т.А. Голованевой (2018), а именно: в оригинальной корякской повести другой финал.

Вторая часть повести подверглась содержательной переработке во всех советских русскоязычных посмертных изданиях, и в обработке Рытхэу, и в обработке Дудинцева, причем финал у обоих абсолютно одинаковый. В версии Дудинцева и в версии Рытхэу в повести 16 глав. В оригинале – 17. В сравнении с подстрочниками С.Н. Стебницкого (1936) и Т.А. Голованевой (2018) видно, что

повесть частично сокращена. У Дудинцева совсем выброшена из текста оригинальная главка 14, вместо нее идет сразу следующая, у Рытхэу она сохранена, но у него объединены 15 и 16 в одну с небольшим сокращением главы 15. У обоих абсолютно одинаково переиначен финал, три заключительных абзаца повести в их версиях дословно совпадают друг с другом, хотя весь остальной текст немало отличается.

В издании 2010 года⁵ вариант повести совпадает по объему и содержанию с переводом Дудинцева, финал также дословно повторяется и совпадает с ним. Но дудинцевский перевод в других частях этой книги стилистически отличается от текста обработки Дудинцева в изданиях 1961, 1976, 1978 годов: в камчатском переиздании текст еще более пространственный, часто используется современная лексика, не совпадающая с лексикой Дудинцева или Рытхэу, что позволяет сказать, что авторы, которые значатся в качестве переводчиков повести в этом издании, литературно его переработали. В основе этого варианта «перевода» не было оригинального корякского текста, и это подтверждается следующим фактом: настоящий финал повести авторам переделки-2010 неизвестен – финал повторен тот же, что у Дудинцева и у Рытхэу, слово в слово. К тому же корякский текст повести, который дан в этом издании, как установила Т.А. Голованева, является обратным переводом с русского языка – литературной обработки Дудинцева. Итак, автором переделки конца повести скорее всего был Рытхэу, поскольку он раньше Дудинцева стал редактором повести.

В оригинальном тексте Кецай Кеккетына финал гораздо мягче и конкретнее в изображении деталей, важных для понимания, как именно происходили те революционные изменения, пришедшие вместе с советской властью к коренным народам Севера. В конце повести описывается, как проходит собрание по раскулачиванию бывшего хозяина батраков – Чачоля после приезда Эвныто с учебы в Тигиле. Повесть уникальна тем, что пишется параллельно происходящим изменениям, пишется человеком, находящимся «внутри» событий, видевшим все собственными глазами. Она безыскусна, и в этом ее ценность как документа эпохи: по многим деталям можно судить о жизни коряков как накануне прихода советской власти, так и в тот момент, когда она уже укрепляется и становится повсеместной, можно видеть, насколько недоверчиво поначалу было коренное население, каким образом происходила смена власти, каким образом преодолевались прежние устои и традиции, однако, к сожалению, эти самые интересные моменты и были изъяты и переписаны в духе эпохи по идеологическим соображениям последующими обработчиками повести.

Как видим, материал, которым писатель может воспользоваться для решения задачи «заявить о своем народе миру», довольно ограничен: это или родной фольклор, или бытовая и этнографическая основа, позволяющая в подробностях описать обычаи и традиционный образ жизни. Кецай Кеккетын идет по второму пути: он берет за основу сюжеты из жизни отца и других родственников или

⁵ Кецай Кеккетын. Эвныто-пастух. Петропавловск-Камчатский, 2010.

знакомых, разворачивает их на фоне описания национальных обрядов и праздников («Хоялхот») рутинной работы по выпасу оленей, ловле рыбы или охоты («Эвныто-пастух»). Лев Жуков, его современник и однокашник, идет по пути пересказа фольклорных сюжетов: «В повести о Нотаймэ находим все основные элементы северопалеоазиатского сказания о сиротке. Единственное, что не нашло отражения и возможность чего была, конечно, совершенно исключена в повести писателя-комсомольца, – это участие духов в борьбе сиротки, благодаря помощи которых юноша становится богатырем, удачным промысловиком и воином» [Стебницкий, 2018, с. 409]. Помимо сказочных сюжетов, в повести использован также материал исторических преданий. Главный герой – богатырь Нотаймэ становится своеобразным «культурным героем» для своего народа: благодаря ему они осваивают рыболовство, объединяются против внешних врагов, учатся стрелять из огнестрельного оружия, которое отобрали у врагов – русских казаков. С.Н. Стебницкий перевел повесть, и она до сих пор существует именно в его редакции. Отличие редакции Стебницкого от подстрочника, сделанного в 2018–2019 гг. научным сотрудником ИФЛ СО РАН Т.А. Голованевой, незначительное: в авторском варианте есть небольшое предисловие, содержательно с повестью не связанное⁶.

Повесть Л. Жукова «Нотаймэ» подробно проанализирована исследователем, им показана и подробно прокомментирована ее связь с корякским фольклором. Кроме того, С.Н. Стебницкий стремится найти в ней черты «литературного реализма», те детали, которые отличали бы ее от фольклорного повествования. Исследователь отмечал, что «в повестях молодых корякских писателей Кеца и Льва Жукова отразился и был претворен в ряд реалистических словесных картин корякский фольклор» [Стебницкий, 2018, с. 413]. Главным образом они находятся в последних главах, где рассказывается о столкновении коряков с казаками и овладении ими огнестрельным оружием.

Однако С.Н. Стебницкий также признавал, что «первым образцом корякской письменности, который может быть назван если не литературным произведением в полном смысле этого слова, то, во всяком случае, произведением письменности, наиболее близко подошедшим к одному из литературных жанров (повести), является сочинение Кеца „Эвныто-батрак“» [Стебницкий, 2018, с. 379]. Повести Кеца Кекктына «Эвныто-пастух» и «Хоялхот» имеют много общего с таким феноменом, как народная литература. Она находится на границе между фольклором и собственно литературой и долго оставалась «за бортом» исследовательского внимания, однако в последние десятилетия ситуация стала меняться. Иногда еще ее называют литературой «наивной»: «Многие литературы неизбежно начинаются с „наивных“ форм, подражая „высоким“ образцам иноязычной словесности, но не овладев ее средствами. В типологическом отношении они являются одним из возможных шагов из фольклора в литературу. Почти на наших глазах подобное происходило в так называемых младописьменных культурах»

⁶ Голованева, рукопись (2018).

[Неклюдов, 2001]. Поскольку в термине «наивный» есть оценочный компонент, будем использовать понятие «народный», которое в большей степени отражает специфику творчества Кецай Кеккетына.

М.Л. Лурье, который пользуется термином «наивная литература», определяет ее как «литературное творчество (или сочинительство) „литературно неквалифицированных“ авторов» [Лурье, 2001, с.17]. Причем «неквалифицированность» заключается не в отсутствии образования, а в отсутствии литературной практики: «...тексты порождают не те авторы, которые не получили „достаточного“ образования (учитывая и самообразование), а те, которые сами по себе не являются квалифицированными потребителями литературной продукции, находящимися в одном социокультурном пространстве с ее производителями... Так вот, (...) „наивным писателем“ становится именно „не читатель“, что определяется не столько количеством потребляемой культурной информации (...), сколько качеством потребления. Иначе говоря, „наивную“ литературную продукцию (и речь не только о художественных текстах) – создают только „дискурсивные дилетанты“» [Лурье, 2001, с.17]. Первые корякские писатели, несмотря на их огромные успехи в учебе и освоении русского языка, были именно таковыми: никакой литературы на корякском до них не было, их читательский опыт на тот момент мог лишь ненамного превышать учебные программы, и прежде всего они знакомились с образцами русской литературы.

Есть еще один очень важный момент, в равной степени справедливый как в отношении народной литературы, так и в отношении творчества Кецай Кеккетына: «Импульсом к сочинительству или поддержкой в творческих начинаниях для многих из известных нам наивных авторов послужило общение с людьми из мира „большой культуры“, исходящий от них „культурный заказ“, заявления о востребованности продуктов творчества этих авторов» [Лурье, 2001, с. 20]. В Институте народов Севера литературное творчество студентов всячески поощрялось, перед многими из них стояла задача – рассказать о своем народе, дотоле малоизвестном, описать его нравы и быт, показать, что любой народ в составе советского государства живет лучше, чем при царе и его наместниках, – таков был социальный заказ, который каждый из пишущих воспринимал как некий долг и по отношению к своему народу, вдруг неожиданно обретшему голос в лице отдельного представителя, и по отношению к государству, которое дало возможность каждому из них выучиться, получить статус писателя в обществе.

Кецай Кеккетын описывал жизнь того народа, к которому принадлежал, основываясь на личном опыте. Его повествование если не буквально документально, то во многом списано с действительности, и это целеполагающая авторская установка. Для произведений народной литературы правдивость – одна из важнейших ценностных категорий: «Отсюда, по-видимому, происходит и характерная для многих наивных писателей специфическая амбициозность: как значимое и ценное осознается обычно не художественное совершенство произведения, а исключительность его содержания, и автор видит свою заслугу именно

в том, что „донец“ это содержание до других людей – односельчан, потомков, потенциальных читателей» [Лурье, 2001, с. 23]. Вспомним выпущенный из первой главы «Эвныто-батрака» абзац о том, что главная цель автора – рассказать о том, как раньше люди жили.

Общий мотив, который встречается и в рассказах Л. Жукова о богатыре Нотаймэ, и в повести «Эвныто-пастух» Кецай Кеккетына, – это мотив охоты на медведя. Чтобы доказать свою состоятельность, мужчина должен одержать победу в схватке с медведем. Это переломный момент в повести Кеккетына, это один из важных эпизодов повести Жукова, и это один из самых распространенных мотивов в литературах коренных народов Сибири в целом: он одновременно имеет и фольклорную, и бытовую основы [Непомнящих, 2015, с. 194–205].

Вторая повесть К. Кеккетына «Хоялхот», изданная под его инициалами после его ареста в 1939 году, также основана на жизненном материале. В камчатском издании 2010 года есть интересное свидетельство по поводу событий, описанных в повести «Хоялхот»: «Однажды я предложила бабушке почитать предложенную библиотекарем книгу: „Ну давай!“ И я начала читать каждый вечер. Она только причмокивала и комментировала: „Да, правильно, Меле грязнуля и злюка, а вот Хоялхот очень был красивым, как его девушка Каляган! Как жаль, что его женили на Меле. Внучка, кто же это так хорошо и правильно написал про жизнь воямпольцев?“ – „Не знаю“, – отвечаю ей. Мне бы имя автора прочитать, тогда, возможно, бабушка рассказала бы о Кецае и его семье... Старая, слепая, много испытывавшая на своем веку неграмотная женщина сумела оценить повесть „Хоялхот“. И эту книгу она очень берегла: „Никому не давай, положу-ка ее в изголовье“» [Кецай Кеккетын, 2010, с. 203].

В героях и событиях повести землячка узнавала вполне реальных, некогда живших людей, чья внешность, характер и судьбы полностью совпадали с описанными в книге. То, что к творчеству Кецай Кеккетына на его малой родине – Камчатке, до сих пор относятся как истинно народному, свидетельствует и тот факт, что в том же издании 2010 года (Петропавловск-Камчатский) повесть «Эвныто-пастух» была повторно переведена на корякский с русского перевода, то есть, по сути, был сделан обратный перевод с русского на корякский, настолько велика была потребность увидеть повесть переизданной на корякском языке.

После ареста Кецай Кеккетына в 1938 году [Голованева, Непомнящих и др., 2018, с. 383–387] литературных произведений на корякском языке создано не было, традиция оборвалась. Впоследствии развитие корякской литературы связано с именем В.В. Коянто (Косыгиным) (1933–2012), однако он писал на русском языке и потому его нельзя назвать прямым продолжателем предшественников. Он скорее представитель более поздней советской школы национальных писателей, перешедших в прозу на русский язык.

Результаты исследования. Сопоставление текстов всех имеющихся советских изданий повести «Эвныто-пастух» Кецай Кеккетына с подстрочными переводами С.Н. Стебницкого (1936) и Т.А. Голованевой (2018) выявило одинаковые разночтения между подстрочником и всеми имеющимися изданиями пове-

сти на русском языке (1958, 1961, 1974, 1976, 1978, 2010). Идеологической переработке и сокращению подверглись ее последние главы и строки, конец повести в советских изданиях на русском языке совпадает дословно даже у разных авторов «литературной обработки» – Ю. Рытхэу и В. Дудинцева – при явных стилистических различиях остального текста. Скорее всего, изменил первоначальный текст повести именно Ю. Рытхэу, значащийся автором «литературной обработки» второго издания повести (1958). Возможно, переработка финала была продиктована не только идеологическими соображениями, но и судьбой корякского автора: в 2018 году впервые удалось установить, что осенью 1938 года К. Кеккетын, исполнявший обязанности районного секретаря Комсомола, был арестован.

Выводы. Корякская литература возникла в условиях социального заказа: студенты Института народов Севера пишут первые повести на корякском языке под руководством известного ученого-североведа С.Н. Стебницкого, используя в качестве материала для своих книг исторический фольклор или бытовые сюжеты, описания традиционных занятий, праздников и обычаев. Поскольку авторы первых корякских произведений не были и не могли быть профессиональными литераторами в силу многих причин, и прежде всего потому, что они выросли в бесписьменной культуре, их первые книги носят отпечаток «наивного письма» в его терминологическом понимании, однако ближе к сути определение «народная литература» с ее стремлением к правдивости и буквальному документализму.

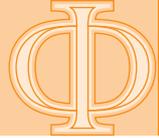
Библиографический список

1. Голованева Т.А., Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С., Пронина Е.П. Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск, 2018.
2. Кецай Кеккетын. Эвныто-пастух. Петропавловск-Камчатский, 2010.
3. Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
4. Неклюдов С.Ю. От составителя. «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
5. Непомнящих Н.А. Варианты сюжета «поединок человека с медведем» в произведениях В. Санги, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и других писателей // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2.
6. Стебницкий С.Н. Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература // Голованева Т.А., Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С., Пронина Е.П. Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск, 2018.
7. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. М.: Мысль, 1971. С. 178.

Сведения об авторах

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск; e-mail: alkat@ngs.ru

Полторацкий Иван Сергеевич – младший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск; e-mail: ipoltora@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-09>

KORYAK LITERATURE: GENESIS AND POETICS

N.A. Nepomnyaschikh (Novosibirsk)

I.S. Poltoratsky (Russia, Novosibirsk)

Abstract

The article explores the origins and development of Koryak literature. The specificity of Koryak literature is that it did not appear as a result of gradual development, but as a product of “Cultural revolution”, being a part of the political agenda of the time. Similar to several other national literatures, it equalled the personalities, who represented it at its formation.

Typological and comparative analyses of the first Koryak narratives, which appeared almost simultaneously with the Koryak alphabet, show that in the early stage Koryak writers widely used the Koryak folk-lore (fairy-tales, legends) as well as events of everyday life (descriptions of rituals, rites and the routine duties) in their works. There are motifs typical of all indigenous peoples of Siberia in the narratives such as bear-hunting, skill and cunning demonstrated by a character under pressing circumstances, etc. The first works were written in Koryak language. Kietsai Kiekketyyn based his narratives on the every day events from life of his farther, relatives, and acquaintances, depicting them in the context of traditional rituals and festivities (Khoiakholt) as well as deer-pasture, fishing or hunting (Evnyto, the Shepherd). Lev Zhukov, his contemporary and classmate, retold folk-lore tales in his writings. His series of short stories about Notaime, a legendary hero, who united the Koryak people and taught them how to fish and fire a rifle, are based on folk tales about an orphan. The first Koryak writers received their education in Leningrad. The Koryak literary tradition was interrupted by their tragic disappearance in the late 1930th.

Keywords: *works of Siberian writers, plot, motif, literature of the peoples of the North; Koryak literature, Kietsai Kiekketyyn, Lev Zhukov.*

Bibliograficheskij spisok

1. Golovaneva T.A., Nepomnjashhiih N.A., Poltorackij I.S., Pronina E.P. Povesti Kecaja Kekketyna. Teksty. Perevody. Kommentarii. [Stories by Ketsaya Kekketyn. Texts. Translations. Comments]. Novosibirsk, 2018.
2. Jevnyto-pastuh [Evnyto-pastukh]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2010, s. 203.
3. Lur'e M.L. O fenomene naivnogo sochinitel'stva [About a phenomenon of naive writing] // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty [«Naive literature»: researches and texts]. M., 2001.
4. Nekljudov S.Ju. Ot sostavitelja [From the originator] // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty. [«Naive literature»: researches and texts]. M., 2001.
5. Nepomnjashhiih N.A. Varianty sjuzheta «poedinok cheloveka s medvedem» v proizvedenijah V. Sangi A. Nemtushkina G. Kjeptukje i drugih pisatelej [The versions of the «man – bear combat» plot in the works of V.Sangi, A.Nemtushkin, G.Keptuke and other writers] // Sjuzhetologija i sjuzhetografija. 2015. № 2.
6. Stebnickij S.N. Korjaskij istoricheskij fol'klor i zarozhdajushhajasja korjaskaja literature [The Koryak historical folklore and the arising Koryak literature] // Golovaneva T.A., Nepomnjashhiih N.A., Poltorackij I.S., Pronina E.P. Povesti Kecaja Kekketyna. Teksty. Perevody. Kommentarii. Novosibirsk, 2018.
7. Uvachan V.N. Put' narodov Severa k socializmu. Opyt socialisticheskogo stroitel'stva na Enisejskom Severe [Way of peoples of the North to socialism. Experience of socialist construction in the Yenisei North]. M.: Mysl', 1971, s. 178.

About the authors

Nepomnyaschikh Natalia Alekseevna – Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk; e-mail: alkat@ngs.ru

Poltoratsky Ivan Sergeevich – Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk; e-mail: ipoltora@gmail.com